

Лирика в сборнике 1856 года. Интимная лирика. Гражданская лирика. Стихи о назначении поэта

Последний, четвертый, раздел издания 1856 года сплошь состоит из лирических стихотворений. Прежде чем перейти к их рассмотрению, следует еще раз подчеркнуть, что данное издание бесспорно характеризуется несомненным преобладанием лирической стихии над эпической. И в первом и во втором разделах сравнительно редки чисто повествовательные стихотворения, но большинство составляют лиро-эпические. А поэма «Саша», занимающая весь третий раздел, — конечно, лиро-эпическая поэма.

Даже при поверхностном просмотре стихотворений четвертого раздела обращает на себя внимание в высшей степени своеобразное их размещение. Размещены они, как это уже отмечалось в отношении всего издания 1856 года, вне всякой хронологической последовательности. Это во-первых, а во-вторых, размещены они так, что за стихотворениями гражданско-лирического характера следуют сплошь да рядом стихотворения интимно-лирического характера.

Такое размещение преследует определенную цель — подчеркнуть единство гражданских и лирических чувств поэта. Они так тесно переплетаются, что не всегда возможно провести между ними сколько-нибудь резкую грань.

Вот несколько примеров, подтверждающих сказанное.

Автобиографическое стихотворение о родном доме, о родителях, о детстве («Старые хоромы») ¹ получает гражданский смысл.

Стихотворение, развивающее столь обычную у поэтов старого времени тему дружбы («Памяти приятеля»), перерастает в гражданское стихотворение.

¹ Впоследствии это стихотворение было названо Некрасовым «Родина».

Любовно-лирическое стихотворение («Когда из мрака заблужденья»), в свою очередь, приобретает черты гражданской лирики.

Стихотворения, в основу которых кладутся описания природы («Перед дождем», «За городом»), нередко приобретают несомненную социальную остроту.

Детство, дружба, любовь, природа — это извечные темы лирической поэзии всех времен и народов. Некрасов тяготел к ним достаточно определенно, но умел придавать им чрезвычайно своеобразный характер тем, что сообщал им гражданскую окраску в духе того революционно-демократического мировоззрения, которого придерживался.

На основании этого позволительно прийти к следующему заключению: гражданские элементы составляли такую неотъемлемую и основную сторону психологии Некрасова, что он очень часто не отделял их — не мог и не хотел отделить — от личных, даже интимно-личных элементов. Быть может, самой яркой чертой его поэтического гения являлось то, что гражданское для него становилось личным, а личное сплошь и рядом приобретало характер гражданского.

Конечно, огромное большинство — если не все — лирических стихотворений не может быть рассматриваемо как точное воспроизведение духовного облика автора.

Вот почему многие литературоведы нашего времени склонны при анализе лирических стихотворений вводить образ лирического героя, между которым и действительным образом автора отнюдь не следует ставить знака равенства, хотя сплошь и рядом не следует и отрицать ряда общих черт у них. Здесь, конечно, неизбежны градации между отдельными поэтами. Есть поэты, в лирике которых образ лирического героя очень во многом не совпадает с духовным обликом автора. Есть, с другой стороны, поэты, в лирике которых образ лирического героя настолько близко подходит к облику автора, что иногда почти сливается с ним.

Совершенно ясно, что Некрасов принадлежал не к первой, а ко второй категории. Об этом как нельзя лучше свидетельствует образ лирического героя, воссоздаваемый на основе четвертого раздела стихотворений сборника 1856 года.

Какова прежде всего биография этого героя?

Он рос «в неведомой глуши, в деревне полудикой», «рос средь буйных дикарей», и ему «дала судьба по милости великой в руководители — псарей» («В неведомой глуши»). В «сером, старом доме», в котором он провел свои детские годы, «чта-

то всех давило», «в малом и большом тоскливо сердце ныло». Тем, «кто все собой давил», был отец героя, «угрюмый невежда», суровый повелитель своих «подавленных и трепетных рабов», «губитель» своей кроткой и «болезненно-печальной» жены («Старые хоромы»).

Если безрадостны были детские впечатления автора, то и юность его была омрачена тяжелой борьбой за существование; его «попутчиком лукавым» на долгое время стал «голодный труд», «алчбы и жажды бледное дитя» («Последние элегии»). В этот период своей жизни герою приходилось жить в кошмарно тяжелых условиях («Еду ли ночью»).

Его юношеская любовь, любовь нищего к нищей, вписала ряд поистине трагических страниц в летопись его жизни («Еду ли ночью»).

Испытанное в детстве и в юности наложило несмываемый отпечаток на душу героя; здесь именно источник многих его недостатков, от которых так сильно ему приходилось страдать впоследствии:

Не стяхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносимых плеч!

(«Застенчивость»).

Однако, обладая исключительными настойчивостью и силой характера, герой, в конце концов, сумел проложить себе дорогу в жизни:

Теперь поменьше мелочных забот,
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!..

Почему поздно? Потому, что «изменили силы»:

... Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно.

(«Последние элегии»).

Стихи четвертого раздела дают достаточно материала для того, чтобы глубоко заглянуть в душу этого приговоренного к смерти,¹ вернее, думающего, что он приговорен к смерти, человека.

¹ Все, что нам известно из писем и воспоминаний о болезни, постигшей в эти годы Некрасова, дает достаточные основания для вывода, что он мог считать себя приговоренным к смерти.

Его душе в высокой степени доступно чувство любви к женщине. В любовной лирике рассматриваемой книги намечаются образы нескольких женщин, владевших сердцем лирического героя.

Вот образ «падшей», которую герою удалось извлечь

... из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
(«Когда из мрака
заблужденья»).

Этот образ неотразимо привлекателен, а стихи, рисующие нравственное перерождение «падшей», принадлежат к лучшим образцам русской любовной лирики:

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

В последних словах сказывается, как уже отмечалось выше, новый, абсолютно чуждый дворянской поэзии (если не считать, конечно, немногих исключений, вроде стихотворения Лермонтова «Пускай толпа клеймит презреньем») взгляд на «падшую женщину». Для человека с психологией демократа-разночинца «падшая» — не объект для чувственных наслаждений, а несчастный человек («дитя несчастья»), не только заслуживающий моральной поддержки, но и достойный того, чтобы войти в дом любимого человека «хозяйкой полною».

Вот образ другой возлюбленной лирического героя — образ веселой, жизнерадостной, бодрой и умеющей подбодрить женщины:

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум...

(«Ты всегда хороша
несравненно»).

Смерть разлучила героя с его подругой, но воспоминание о ней не умерло в его душе.

Однако большинство любовно-лирических стихотворений четвертого раздела рисует иной образ — образ женщины гор-

дой, страстной, несдержанной в проявлениях своих чувств, редко смеявшейся, но часто проливавшей слезы. Любовь к этой женщине заняла такое место в жизни героя, что он не устает говорить о ней. Посвященные ей стихотворения, если рассматривать их не каждое в отдельности, а в их совокупности, образуют как бы целую поэму, в которой нашли свое отражение различные моменты в тех длительных, подчас надрывающе мучительных отношениях, которые связали героя с его избранницей. Если в некоторых, сравнительно немногих из этих стихотворений говорится о радости разделенной и увенчанной взаимностью любви (например в стихотворении «Да, наша жизнь текла мятежно»), то в других, — и таких гораздо больше! — нашли отражение мучительные переживания, вызываемые частыми размолвками, переходящими нередко в бурные ссоры («Если мучимый страстью мятежной», «Мы с тобой бестолковые люди»). Было бы ошибкой предполагать, что виновницей ссор обычно являлась «она». Известное стихотворение «Тяжелый крест достался ей на долю», использованное в популярнейшем романсе «Не говори, что молодость сгубила», свидетельствует скорее об обратном.

Изображать, и так часто изображать, размолвки и ссоры между любящими — ведь это значит воспевать не поэтическую, а прозаическую сторону любви. В стихотворении «Мы с тобой бестолковые люди» есть упоминание о неизбежности «прозы в любви». Этой «прозе в любви», с ее постоянными размолвками и ссорами, с ее взаимным мучительством, с ее несчастными радостями, и суждено было занять значительное место в любовной лирике Некрасова, что естественно и закономерно, ибо одной из характернейших особенностей его творческого метода являлось стремление изображать ту часть правды жизни, которая, преимущественно, определяется понятием «проза жизни».

Отношения лирического героя и его любимой, такие мучительные, трудные, неровные, должны были в конце концов надломиться, и они надломились. Предчувствием развязки «неизбежной», которая уже «не далека», полно стихотворение «Я не люблю иронии твоей», а в маленьком необычайно грациозном стихотворении «Прости» содержится уже прощание с любимой.

Любовь к женщине, в основном, конечно, личное чувство, но в проявлениях этого личного чувства и могут и должны сказываться социальные влияния и воздействия на человеческую личность. За Чернышевским, общепризнанным вождем шестидесятников, числится и всегда останется та заслуга, что

в интимно-личных стихотворениях Некрасова он ощутил присутствие чего-то такого, чего не было в лирике великих предшественников Некрасова.¹ Несколько неожиданными в устах Чернышевского, этого сурового демократа, являются следующие слова из его письма к Некрасову от 5 ноября 1856 года: «... я вовсе не исключительный поклонник тенденции, — это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей. Но я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни — потребности сердца существуют... поэзия сердца имеет такие [же] права, как и поэзия мысли... лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею.

«Когда из мрака заблужденья... Давно отвергнутый тобою... Я посетил твоё кладбище... Ах, ты, страсть роковая, бесплодная... и т. п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция. Я пустился в откровенности, — но только затем, чтобы сказать Вам, что я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения».²

Было бы величайшей ошибкой видеть в этих словах отказ от «политической точки зрения». Если бы Чернышевский сказал нечто подобное, он впал бы в явное противоречие со всем своим мировоззрением и направлением всей своей деятельности.

Чернышевский хочет сказать только то, что он и сказал с характерными для него прямоотой и четкостью: «я смотрю на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения». Здесь нет и тени отрицания «политической точки

¹ Чернышевский в такой мере был восхищен изданием 1856 года, что предполагал посвятить ему особую статью. Однако страницы «Современника» были для него закрыты, так как ни он, ни Некрасов не считали возможным, чтобы один из руководящих сотрудников журнала высказывался в нем — да еще в сугубо сочувственном духе — о произведениях редактора этого журнала, к тому же частично в нем напечатанных. Попытка Чернышевского договориться с А. В. Дружининым, редактором «Библиотеки для чтения», о помещении его статьи о Некрасове в «Библиотеке» успеха не имела. А затем последовало распоряжение министра народного просвещения, воспрещавшее критические отклики на издание 1856 года. Тогда Чернышевский, испытывавший, очевидно, жгучую потребность высказаться о стихотворениях Некрасова, написал ему два замечательных письма от 24 сентября и 5 ноября 1856 года, содержащих ряд интереснейших и ценнейших суждений о Некрасове как поэте.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 322, 323.

зрения». Не забудем, что и в эти как раз дни Чернышевский едва не навлек запрещения на «Современник», рискуя перепечатать в нем из издания 1856 года три стихотворения, в которых «политическая точка зрения» была выражена ярче, чем в каких-либо стихотворениях сборника: «Отрывки из записок графа Гаранского» (сильнейший протест против крепостного права), «Забытая деревня» (беспощадно суровый приговор над самодержавным строем, представители которого воплощены в лице и «старого» и «нового» барина) и «Поэт и гражданин» (напоминание о гражданской миссии искусства и призыв к кровавой борьбе во имя интересов отчизны).

Однако наряду с этим никоим образом не следует упускать из виду и другой стороны вопроса. В интимной лирике Некрасова, «поэзии сердца», по терминологии Чернышевского, столь ощутительно проявляется психология нового человека, личность которого развилась как продукт новых социальных и классовых влияний и воздействий, что Чернышевский, остро чувствуя свою принадлежность именно к новому поколению, особенно был восприимчив к некрасовской «поэзии сердца».

В промежуток между созданием стихотворений «Вчерашний день» (1848) и «Поэт и гражданин» (1856) Некрасов написал еще 6 стихотворений, и все они, в большей или меньшей степени, дают материал для уяснения сущности его литературно-эстетического credo. Это стихотворения «Муза» (1851), «Блажен незлобивый поэт» (1852), «Безвестен я. Я вами не стяжал» (1855), «Праздник жизни — молодости годы» (1855), «Замолкни, Муза мести и печали!» (1855), «Чуть-чуть не говоря: „ты — сущая ничтожность!“» (1856). Из них наибольшее значение имеют первые два, так как проясняют отношение Некрасова к величайшему поэту недавнего прошлого — Пушкину и к величайшему писателю современности — Гоголю. Благодаря этому в них отчетливо намечается литературно-эстетическая позиция самого Некрасова.

В стихотворении «Муза» противопоставляются две Музы. Муза Пушкина в том образе, в котором она является в ранних стихотворениях 1821 г. «Муза» («В младенчестве она меня любила») и «Наперсница волшебной старины», и Муза самого Некрасова. Образ пушкинской Музы дан не без некоторого любования этой «ласково поющей и прекрасной» женщиной. Тем знаменательнее, что всем содержанием своего стихотворения Некрасов дает понять, что пушкинская Муза —

не его Муза;¹ его Муза — это «неласковая и нелюбимая Муза», «печальная спутница печальных бедняков, рожденных для труда, страдания и оков». Образ ее получает окончательную обрисовку в заключительном четверостишии:

Через бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила.

Переводя язык поэтических образов на язык прозаических терминов, нельзя не прийти к заключению, что образ некрасовской Музы с достаточной определенностью говорит, что основной установкой поэта является установка на критический реализм.

Одним из отцов критического реализма в русской литературе был Гоголь. Естественно, что мысль Некрасова все чаще и чаще обращается к нему. Гоголь был величайшим художником современности, влияние которого чувствовали все передовые писатели того времени. По следам Гоголя пытался идти сам Некрасов, как только он приобщился к художественной прозе. Его повести, подобно повестям Гоголя, могли бы быть названы «петербургскими повестями»; его роман о Тросникове свидетельствовал о значительном усвоении им гоголевских приемов творчества и гоголевского художественного метода. В 1852 году Гоголь умирает, и Некрасов тотчас откликается на его смерть особым стихотворением («Блажен незлобивый поэт»), в котором как бы подводит итог своим мыслям о Гоголе.

В стихотворении «Муза» противопоставлены образы двух Муз, в данном же стихотворении образы двух поэтов. Однако если в «Музе» Некрасов любит Музой Пушкина, хотя и подчеркивает, что она не его Муза, то в стихотворении «Блажен незлобивый поэт» его отношение к «незлобивому поэту» — явно ироническое. В нем «мало желчи»; он «чужд сомнения в себе — сей пытки творческого духа»; он любит «беспечность и покой, гнушаясь дерзкою сатирой»; его лира — «миролюбивая лира»; «современники ему при жизни памятник готовят».

¹ Говоря о пушкинской Музе, необходимо иметь в виду, что в данном стихотворении изображается Муза молодого Пушкина, значительно отличающаяся от Музы зрелого Пушкина, характерные черты которой нашли себе выражение в таких стихотворениях, как «Пророк», «О Муза пламенной сатиры», «Памятник» и др. Нет надобности доказывать, что Муза зрелого Пушкина не столь отличается от Музы Некрасова, как Муза молодого Пушкина. В некоторых отношениях Некрасов был прямым приемником Пушкина. Об этом нам придется говорить в дальнейшем.

Некрасов дает понять читателю, что с «незловивым поэтом» ему не по пути. Зато в последующих стихах он превозносит другого поэта — того, «чей благородный гений стал обличителем толпы, ее страстей и заблуждений», поэта, питающего «ненавистью грудь», вооружившего уста «сатирой», лира которого — «карающая лира», которого «преследуют хулы» и которому приходится ловить

... звуки одобренья
 Не в сладком ропоте хвалы,
 А в диких криках озлобленья.

Совершенно ясно, что здесь речь идет о Гоголе, что все это говорится для того, чтобы воздать должное только что умершему великому писателю. Гоголь некрасовского стихотворения — это сознательный и последовательный поэт-боец, поэт-гражданин, стимулом деятельности которого является не только любовь, но и ненависть — ненависть к социальному злу и его носителям. Концовка стихотворения — «Как любил он — ненавидя», — впервые выражает ту мысль, которая пронизывает все творчество Некрасова.

Через три года Некрасов пишет знаменитое стихотворение «Замолкни, Муза мести и печали!», в котором не только находит изумительное по своей яркости и выразительности определение для своей Музы, но и ту формулу, которая лучше, чем какая-либо другая, раскрывает основной источник его поэзии:

То сердце не научится любить,
 Которое устало ненавидеть.

Нет надобности доказывать, что это — ненависть во имя любви к людям, столь характерная для всякого сознательного и активного борца против социальной неправды. В данном случае оба великих вождя русской революционной демократии, и Белинский и Чернышевский, разделяли это мнение. Первый из них в письме к Кавелину (от 22 ноября 1847 года) утверждал, что «ненависть иногда бывает только особенною формою любви».¹ Так же смотрел на вопрос и Чернышевский. Последний вкладывает в уста Лопухова (героя романа «Что делать?») уже после превращения его в Чарльза Бьюмонта следующие слова: «Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, как свою, скажу я вам, подражая вашему поэту».²

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 300.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 311.

«Поэт», о котором говорит здесь Бьюмонт, без сомнения, Некрасов.

Мы рассматривали до сих пор преимущественно два стихотворения («Муза», «Блажен незлобивый поэт») из числа тех, которые в сборнике 1856 года говорят о литературно-эстетических взглядах Некрасова. Что касается остальных, то в них иногда (разумеется, далеко не всегда!) звучат пессимистические мотивы. Дело в том, что они писались под впечатлением все усиливавшейся болезни поэта, писались тогда, когда он уже не сомневался в близости своей смерти. Горькие предчувствия этой последней не могли не порождать пессимистических настроений. Так, в прекрасном, вообще говоря, стихотворении «Сознание» («Праздник жизни — молодости годы») не только дается яркий образ поэта-демократа, поэта-разночинца, который, познав всю «тяжесть труда», «баловнем свободы, другом лени», подобно поэтам дворянской эпохи, «не был никогда», но и содержится горькое самоосуждение в стихах:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Будучи глубоко несогласен с выраженной здесь мыслью, Чернышевский в известном уже нам письме к Некрасову от 24 сентября 1856 года выступил с резкими возражениями.

«В этом и состоит свобода, — утверждал он, — чтобы каждый делал то, что требуется его натурою. Ваша натура имеет две погрешности — одна выражается пьесою „Давно — отвергнутый тобою“ и некоторыми другими; другая — большею частью пьес. Из них ни одна не писана против влечения натуры — стало быть, талант ваш одинаково свободен в том и другом случае.

«Теперь *тяжелый и неуклюжий* стих. Тяжестью часто кажется энергия... То же скажу я и о Вас. В чем состоит неуклюжесть Вашего стиха, я решительно не понимаю... Это... не следствие безвкусыя моего или пристрастия — чтобы судить о поэзии, нужен вкус, а судить о легкости стиха одинаково может человек со вкусом и без вкуса (если у меня его нет) — это качество, очевидное для всякого».¹

В дальнейшем, характеризуя «степень таланта» Некрасова, Чернышевский заявлял, что «первое место в нынешней литературе публика присваивает» ему, Некрасову; что он

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 315.

одарен талантом первоклассным, вроде Пушкина, Лермонтова, Кольцова.¹

Рассмотренные нами декларативные стихотворения Некрасова о назначении поэта вообще, об его собственном назначении в частности, подготовили в своей совокупности знаменитый диалог «Поэт и гражданин». Вынеся его на первые страницы сборника 1856 г., Некрасов тем самым как бы подчеркивал, что «Поэт и гражданин» призван играть роль своего рода введения, определяющего основное направление издаваемой книги. Автор «Поэта и гражданина» твердо стоит на позициях критического реализма:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.

Какие настроения возбуждает виденное там в душе автора? Иными словами, под каким углом зрения он рассматривает социальную действительность?

Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!

Кого ненавидел? Виновников социального зла. Кого любил? Тех, кто являются жертвами этого зла.

Открытая, честная ненависть к одним, в соединении с искренней любовью к другим, ведет к окончательному и бесповоротному разрыву с теорией «чистого искусства»:

С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Она требует активного вмешательства в жизнь, в социальную борьбу. Поэт прежде всего должен быть гражданином, который помимо воздействия на общественное сознание словом не должен уклоняться и от активного участия в «деле», — конечно, в революционном деле, ибо участия в нем властно требуют интересы родины. Любовь к родине, к отчизне — определяющий момент в мировоззрении «достойного гражданина». Ради нее не страшны никакие жертвы; ради нее не жалко отдать самую жизнь.

¹ В следующем по времени письме (от 5 ноября 1856 года) Чернышевский идет гораздо дальше, утверждая, что произведения Некрасова «имеют более положительного достоинства, нежели произведения Пушкина, Лермонтова и Кольцова».

Иди в огонь за честь отчизны,
 За убежденье, за любовь...
 Иди и гибни безупречно,
 Умрешь не даром: *дело прочно*,¹
 Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
 Глашатай истин вековых,
 Не верь, что неимущий хлеба
 Не стоит вещей струн твоих!

Будь гражданин! служа искусству,
 Для блага ближнего живи,
 Свой гений подчиняя чувству
 Всеобнимающей Любви...

Нашедшая здесь свое выражение эстетическая теория уходит своими корнями к воззрениям Белинского и Чернышевского. Недаром взгляды Гражданина в стихотворении в основном совпадают со взглядами и первого и второго, выражая в то же время точку зрения солидарного с ними Некрасова.

Как бы то ни было, основное значение «Поэта и гражданина» состоит в том, что именно это стихотворение ввело в широкий общественный оборот мысль, что поэзия — важное общественное дело, что поэт, стоящий на уровне передовых идей современности, не может не быть гражданином, не может не быть борцом. «Поэт и гражданин» — это декларация идейно насыщенной, политической острой поэзии, декларация, подтвержденная художественным творчеством великого поэта. В частности эта декларация была с блеском подтверждена всем содержанием сборника 1856 года. Тем более что автор ее проявил себя не только передовым гражданином, не только художником огромного дарования, но и художником-новатором. Именно в 1856 году, в дни издания сборника, это последнее обстоятельство стало ясно для той части читателей, которые отличались наиболее зорким взглядом. К числу этих читателей должен быть отнесен Н. Г. Чернышевский. В письме к Некрасову от 5 ноября 1856 года он выразил убеждение, что Некрасову суждено «быть в поэзии создателем совершенно нового периода».²

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 323.